

Print Room Press
141 Dowling Street Woolloomooloo
Sydney NSW 2011 Australia

В ПЕЩЕРЕ СНОВ МОИХ...

„Вест-Консалтинг“
Москва
2012

*Художник Татьяна Виноградова
В оформлении книги использованы
живопись и графика Дэвида Вонсбро*

Вонсбро Д.

В пещере снов моих... *Сны Восторги Страхи Отрывки*

Литературно-художественное издание. Билингва. —

М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 86 с.

Дэвид Вонсбро – поэт, художник, доктор философии и теологии. Автор ряда художественных книг и научных монографий. Родился в 1948 г. в Новой Зеландии. Живет в Австралии. С 1993 г. часто приезжает в Россию, читает лекции в МГУ им. М. В. Ломоносова и других университетах.

Книга «видений и грез», объединяющая неомифологическую лирику и своеобразные, иронично-философские стихотворения в прозе, впервые представлена читателю в русском переводе.

ISBN 978-5-91865-144-5

© David Wansbrough, 1994

© Т. Виноградова, перевод, предисловие, фотографии, 2012

© В. Геогджаев, Е. Горшунова, И. Канышева,

И. Киштайн, И. Репина – перевод, 2012

© «Вест-Консалтинг» – макет, верстка, 2012

«И НЕТУ СИЛ ПРОСНУТЬСЯ...»

«Мы созданы из вещества того же, что наши сны», – сказал Шекспир. Эдгар По уточнил: «Всё сущее, явное и кажущееся – всего лишь сон сна». Картины дополняют видения и озарения Уильяма Блейка. Дэвид Вонсбро продолжает традицию:

*Я этим сном порабощен,
и нету сил проснуться.
А жрица всё поет,
И песнь ее меня не отпускает.*

(«Я этим сном порабощен»)

Он родился в Новой Зеландии, а потом там сняли фильм «Властелин колец». Это неспроста. Вонсбро – философ и поэт, художник (его картины украшают галереи многих стран мира) и общественный деятель, но прежде всего он – чистой воды романтик.

Мы познакомились в Доме-музее Марины Цветаевой. Дэвид был в черной бархатной шапочке (на которой так и чудилась литера «М») и с элегантной тростью (набалдашник, слава Богу, оказался обыкновенным)... Как-то он обмолвился мне, что телевизоры и компьютеры населены демонами. Лишь недавно завел себе адрес электронной почты (в котором есть слово «woland»). Вонсбро влюблен в Россию, является одним из основателей Австралийского клуба на факультете иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова, часто выступает в Москве с чтением стихов, а также с лекциями по философии, антропософии, культурологии и просто о любви. Однажды, в Библиотеке имени Ленина, ему пришлось заплатить за вход на собственную лекцию... Сейчас в России готовится второе издание перевода его романа “Bulgakov’s Migraine” («Мигрень Булгакова»).

Но для меня Вонсбро прежде всего – поэт, мощный и самобытный. Я бы рискнула назвать его лирику неомифологической. В своих философских (и очень чувственных) стихах он ведет бесконечные игры с культурными кодами, архетипами и мифологемами. Но это отнюдь не «профессорская поэзия». Стилистику Вонсбро можно охарактеризовать цитатой из одного из его стихотворений в прозе (в духе «Гаспара из тьмы»; он именует их «отрывками»): «язык... предполагает грубую и энергичную версификацию с форсированным ритмом и красочными аллитерациями...». К примеру, такими:

*В пещере снов моих
лев рыкает.
Раскаты эха оглашают тьму –
еще вдали, но ближе, ближе к сердцу страха...*

Итак, за мной, читатель! Добро пожаловать в Пещеру!

Татьяна Виноградова

for The Poet

Kathleen Raine

because ...

Поэту

Кэтлин Рэйн

потому что ...

There were giants on earth in those days, and also afterwards, when the sons of God came in to the daughters of men and they bore children to them.

Genesis 6:1-4

В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им.

Бытие 6: 1-4

Let me lie along the length

Let me lie along the length
of your violin bridge.
My strings will hum and thrum
at the soaring sound.
My dust could rosin
sinews to whisper songs of dusty stars.
My threads are waiting willing
for the staccato plucking
with the power to place planets.

Now! While the Sun dances among its fellows,
swing your bow across my cords
so I who cannot sing
will sing.
Come!

Дай мне лечь, протянуться

Дай мне лечь, протянуться
струнами скрипки твоей.
Забормотать, затрепетать,
в летящих звуках воспарить.
Я есть прах, но напрягутся сухожилья,
сияясь прошептать напевы пыльных звезд.
Всеми фибрами я жажду
содрогания стаккато –
мощь его миры смещает.

Да, сейчас! Покуда Солнце пляшет средь своих друзей,
взвихри свой смычок над струнами моими,
и я, петь не умеющий,
воспою.
Приди!

Все переводы, кроме отмеченных звездочкой, выполнены Т. Виноградовой.

In the sparkling hush of music

In the sparkling hush of music
I find my me and then lose me.
Surely this is the most blessed
of the blessings of Lucifer.

Bach's mighty tinklings
touch off a tantra
that tingles from the pelvic tip
to the skull's top
to burst forth
as mantra-fodder for seraphim.

Such is music's mystery
that for the instant
we lust for fleshlessness
and selfishly cease to exist
as self.

В мерцающей глуши музыки

В мерцающей глуши музыки
я иду к своей сути и теряюсь навеки.
Из всех благодатей Люцифера
эта – блаженнейшая.

Мощный всплеск Баха
граничит с тантрой,
что пробивает звенящую дрожью
от копчика и до макушки,
распускаясь в зените
мантрой, сладостной Серафиму.

Это магия музыки:
мы на мгновенье
вождееем бесплотности
и, послушавшись эго,
покидаем себя.

** Перевод И. Кириштин*

Lucifer

Shall I build a temple
that will tingle to its tips
with controlled crystalline tinklings
and fill its halls
with the moan of holy whores
who would spend their lives
in service and in song
and sacrifice
to the Almost High?

And in limestone caverns
marble columns could be placed
as strings
so from time to time
the throat of the earth should sound
from depths below the altar
dissolving the walls in their tone.
Then the tremulous onyx of the lintels
would enfold the stars.

Люцифер

Должен ли я выстроить храм,
чтобы весь трепетал он до кончиков шпилей
в перезвоне хрустальных созвучий,
и заполнить пределы его
стонами шлюх пресвятых,
что жизнь проведут,
распевая молитвы,
и жертвоприношенья свершая
Почти Величайшему?

И в пещерах известняковых
встанут мраморные колонны,
подобные струнам;
но вновь грянет урочный час,
и глотка земли звук исторгнет,
разверзнется бездна под алтарем,
и песнь ее стены храма расплавит.
Тогда дрожащий оникс переплетов оконных
сможет звезды обнять.

Double Vision

I live in terror of the terasatos,
in the still of the dark before dawn
when the point of the horn
pierces the chest. Face flesh is drawn
and blood beats warm in the mist.
In the mad beast's eye is the image of me.
Loved by me is the flesh that it eats.

And I still wicked
sigh for a sweet souled saint
who being good will lead me,
and I being me, she must leave me
as forage in the foddering bin.

Двойное видение

Я в страхе, я живу среди чудовищ,
в недвижной предрассветной тьме
рог острием пронзает грудь,
с лица сползает плоть,
и кровь горячая пульсирует в тумане.
В глазах звериных отражен мой образ,
и пища зверя – плоть, что мной любима.

Я недостойный грешник. Я тоскую:
о, если бы нашлась душа святая,
чтобы вела меня, чтоб указала путь.
Но я есть я, и значит, ей придется
меня оставить – как еду для зверя.

** Перевод В. Геогджаева*

The Horrid Stranger

The monster's haunches
hug the hunch on my back.
In quieter and in tenser instants
it fills my ears
with hideous insidious whisperings
that compel the entire self to seek
an unsullied angel
devoted to salvation.

Will some vestigial decency
restrain me from her sacrifice?
Will she be found
and both of us be lost?
So be it.

Жуткий чужак

Тварь взгромоздилась мне на горб,
зажала ляжками в объятьях,
зомбирует меня
гнусным вкрадчивым шепотом,
то тише нудит, то явственней:
«Не пожалеешь, найди ангелицу
белую, беспорочную, богоспасаемую,
ведь можешь пока».

Хватит ли моих ветхих устоев
сохранить ее незапятнанной?
Или судьба ее – попасться мне
на погибель обоим?
Быть посему.

** Перевод И. Кириштин*

**In Bed with a Fever, Thinking of the Mahabharata,
Waiting for the Quarrelsome Biotics to be Defeated by the
Invading Antibiotics.**

I am the God of many nations.
They whore and war
and know me not.
I have burned hot and cold and hot
and now am become indifferent.
When the phlegm breaks
I will cough
and spit out worlds.

**В постели с Лихорадкой, размышляя о «Махабхарате»,
в ожиданье, пока драчливые Биотики
будут разгромлены подоспевшими Антибиотиками**

Я есть Бог народов многих.
Погрызли они в разврате и войнах,
и не знают они меня.
Огнем горел я, леденел и вновь сгорал,
и ныне стал равнодушен.
Когда заклокочет мокрота,
кашляну я
и плевком извергну миры.

Last night I dreamt I knelt

Last night I dreamt I knelt
on a tower
of whitest alabaster
bathed in light.

Air dear was the earth and bright
and above the living crystals
dew formed a quiet
clear sea.

And the Radiant One
touched my head and said,
«Get up, man! Don't grovel!
Such 'as you always demand
to be ruled by distant Kingdoms.
Go on, jump! I promise to restrain
my winged ones. None will bear you up.
Leap! – And end it all.»

But I being weak
shrugged
and shuffled back
and found the steps
and shambled round
and down.

Once out the door
my first foot fall
darkened the amethyst to dirt....

*And I awoke and found me here
On the cold hill side.*

And this is why I... ..

Мне снилось, я колени преклонил

Мне снилось, я колени преклонил
на башне
из алебастра белейшего, –
и вся в сиянии она была.

Внизу земля, кристальна и светла,
роса над ней стояла, словно гладь
недвижного
прозрачнейшего моря.

И Сам Лучезарный

меня коснулся и сказал:
«Не пресмыкайся! Встань, человек!
Я знаю, ты из тех,
кто вечно алчет царств иных.
Бросайся вниз! Я обещаю удержать моих
крылатых. И на руках тебя никто не понесет.¹
Прыгай! – И покончи с этим всем!»

Но я не решился,
дрогнул,
отступил,
обернулся,
нашел ступени
и пополз по ним вниз,
вниз.

И лишь ногой
коснулся я земли –
кристаллы грязью растеклись.

*И я проснулся – я лежал
На льдистой крутизне.*

И с той поры мне...²

** Перевод В. Геогджаева и Т. Виноградовой*

1 «...и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе и на руках понесут Тебя...» — Матф. 4:6.

2 Последние три строки – цитата из стихотворения Дж. Китса «La Belle Dame Sans Merci» (пер. В. Левика).

High above the rock upthrust

High above the rock upthrust
the hawk rises

hangs
(no feathers ruffled)
hangs
hangs
on air
Only the wide tips
tilted

Then folds its wings
and with a will
thrusts
down
down

too late (is it too late?)
down.

A frenzy of flapping
and it rises.

Don't tease.
You were never tied
by circumstance or chance
to any wrist.

Над горной грядой

Над горной грядой
сокол взлетает,
 парит
 (не шелохнутся перья),
 парит,
 парит,
 в эфире
 застыв, —
 только тела легкий
 наклон.

Затем он складывает крылья
и мгновенно
падает
вниз,
вниз.

Поздно (слишком поздно?) —
вниз.

И — крыльев неистовый взмах:
он взлетает.

Не искушай.
Ты никогда привязан не был
силою случая иль обстоятельств
ни к чьей судьбе.

** Перевод И. Репиной*

The Shadow Knows

Local superstition warns
that when a black cat
or a stranger in a hat
crosses the path
of a mother-to-be
and she remains unblessed
by neighbours or by parish priest
the shadow contains
 the certainty
 of teratogenicity.

But my form's okay.
My mum was never one
 for neighbours
 or for priests
and walked about at will.

Тень знает

Местные суеверия предупреждают:
если вдруг черный кот
или в шляпе гость у ворот
женщине беременной
путь пересечет,
и ни священник, ни сосед
бедняжечку потом не оградят благословеньем,
тень станет
 кладезем бед –
 уродец беспрременно народится.

Но у меня всё путем.
Моей маме было плевать
 на соседей,
 и священников,
и она ходила где хотела.

** Перевод И. Репиной*

The Goddess

For I have known the goddess Kali
writhe around me in storm.
Ice and fire was the lash of her tongue in the kiss,
her demands annihilating, so absolute.
And yet in victory she was soft surrender.
The breast that torments, succours.
Childlike she sat safe in my lap,
lightning-like she lashed around my chest.
In eternal turmoil sated senses.
Then in the instant, still as a leaf on a pond,
still as a fish below a hovering damsel fly,
so still she sunk into oblivion
drawing me after her
inducing my drowning in desiring love
until I ignored the involuntary splutter,
allowed the water to suck the self.

Then I knew the strength in submission,
trusted the unseen hands that hold the All,
felt the sustaining breath breathed within us by the All.
The breath that we are born for,
the breath that it is death in relinquish,
the breath of love in life.

Therefore in the moment and in the span
I will love this cruel destroyer,
woo her, seek her with flowers and flame,
for in freedom I am no longer free:
for I have felt the feminine rhythmic creator's pulse,
and devoid of it I am not whole.
For love, I will die to the self.
And with this love I will face birth,
again, and again and again.

Богиня

Ибо я узнал богиню Кали¹ –
Как смерч, она меня объяла.
Лед и огонь, ожог хлыста – вот поцелуй её.
Она берет тебя и истребляет – абсолютно.
Но, победив, так кротко подчинилась.
Мучительница стала мне защитой.
И, как дитя, затихла на моих коленях,
и, словно молния, ударила мне в грудь.
В небесном хаосе она одна могла насытить чувства.
А миг спустя, тиха, как лист на глади пруда,
как рыба, что следит из глубины полет невинной мушки,
она в забвенье незаметно погружалась,
меня тихонько увлекая за собой
и заставляя утонуть в любви желанной,
и наконец я, как во сне, далекий всплеск услышал,
позволив водам поглотить меня.

Тогда познал я силу в подчиненье,
доверился незримым тем рукам, что держат Всё,
и ощутил дыхание – то, что Вселенная вдохнула в нас.
То, ради которого мы рождены
и отказаться от коего подобно смерти, –
дыхание любви, что в жизни всей растворена.

И этот миг, на этом клочке пространства
я полюблю жестокую богиню разрушенья
и буду призывать, искать ее с цветами и с огнями,
ибо в свободе я отныне не свободен:
я ощутил ритмичный женский пульс Творца,
от ритма этого вдали я не смогу быть цельным.
Ради любви от самого себя я отрекусь,
с любовью этой встречу я рожденье
вновь, вновь и вновь.

** Перевод Е. Гориуновой и Т. Виноградовой*

¹ Кали («Черная») – в индуистской мифологии – одна из грозных ипостасей великой богини-матери Девы, или Дурги, жены Шивы, олицетворение смерти и разрушения; изображалась с ожерельем из человеческих черепов на шее. Последователи Кали считали ее любящей богиней-матерью, способной уничтожить смерть и демонов.

When the acid bites the plate

When the acid bites the plate,
the gases fizz in the graven line,
and the air is sharp and stinks,
and the tentative inks
 mock the moment,
just then when the point of concentration
becomes acute, it is so easily lost.

Can I blame the obvious poison stench
for that oblivious instant?
What caused that insidious thought
of someone far away
that obliterated the real?
Now the edges have softened and warmed.
Damn the etching!
The other image is clear.
Why can't there be ease
in soft amorphous half-tones?

Когда кислота разъедает пластину

Когда кислота разъедает пластину,
газ свистит в процарапанных линиях,
и воздух становится зловонным и едким,
и пробные оттиски

 глядят глумливо, —
в миг, когда точка концентрации
почти достигнута, ее так легко потерять.

Винить ли в мимолетном этом отвлеченье
банальный ядовитый смрад?

Откуда вкралась коварная мыслишка
о ком-то дальнем —

да, вкралась и заволокла реальность?

Теперь края нагрелись, размягчились.

Черт бы побрал этот офорт!

Следующий оттиск безупречен.

Но отчего ж успокоения не приносят
его такие мягкие, аморфные полутона?

In the cavern of my dream

In the cavern of my dream
a lion roars.
Its echo resounding in darkness
far but near to the core of fear.
Then silence...
Silence...
So silent I long
for the roar of the hot-breathed beast.
The darkness is so silent.
Then a flame flares
and fades...
Darkness extends infinitely,
constant but changed.

For in some way
the flame has reassured.
The lion, strengthens.
From around the edges of the darkness
a nebulous sense of
infinite love becomes intimate.
Love has firmed to certainty.

I have become the lion.
I, the glow in the dark.
I will fly into this abyss.

В пещере снов моих

В пещере снов моих
лев рыкает.
Раскаты эха оглашают тьму –
еще вдали, но ближе, ближе к сердцу страха.
И снова тишина.
Такая тишина,
такая, что я уже почти мечтаю
услышать вновь рык жарко дышащего зверя.
Тьма так безмолвна.
Вот – пламя вспыхнуло,
померкло...
Все та же тьма со всех сторон,
но что-то изменилось.

Ибо – непостижимо! –
но эта вспышка покоя вселила в душу
льва, силы придала.
Здесь, на границе беспощадной тьмы,
туман словес
о бесконечности любви становится ясней.
Любовь сгущается до абсолюта.

Теперь я – лев.
И, низвергаясь в первозданный хаос,
я буду озарять его своим сияньем.

I dreamed of a dancer

I dreamed of a dancer
who danced of the scything time,
the reaping dance of rustling wheat
in the autumn warmth of the steppes,
the dance of the wind in mellow sunfilled leaves
of the ancient oak forests
and the shifting needles of the firs on the foothills.

Though the musicians were caught
in the strum of the frenzy of life
she found a slower rhythm within
and danced carefully, carelessly, timelessly
with long sweeps of her arms.
Her beaded headdress pulsating,
her embroidered blouse echoing the plants' forms.
While round her the grim wolves
waited, their necks lowered,
their lengths tensed.
With them, heavy-haunched bears bunched
ready to swipe.
But the slow dancer calmed them, charmed them,
and even the thorns put on leaves,
and I, who watched
from the edge of the dream,
longed to be healed
as the earth is healed by the dance
and longed to sleep
the sweet lilting lulling sleep
of the one who would sleep
beside the dancer.

Я грезил о танцовщице

Я грезил о танцовщице
скифских далеких времен:
танец жатвы шуршащей пшеницы
танцевала она в осеннем тепле степей,
танец ветра в густой, пронизанной солнцем листве
древних дубрав
и танец дрожащих хвоинок в предгорьях.

Музыканты иступленно бряцали
в безумном бреду бытия,
но она отыскала внутри замедленный ритм
и безмятежно, безоглядно, в безвременье кружилась, –
вздымались плавно руки,
подрагивала в такт из бисера тиара,
узорчатая блуза колыхалась, растений очертаниям вторя.
А вокруг нее застыли грозно волки
и выжидали – морды долу,
напряжены тела.
Переминались рядом тяжелобедрые медведи –
вот-вот набросятся.
Но танцем колдовским всех уладила,
шпы колючие, и те листвою оделись,
и я, за ней следивший
с тонкой грани грезы,
так страстно захотел, чтоб и меня сей танец исцелил,
как исцелил он землю эту,
и я возжаждал сном забыться –
сном сладким, ласковым, желанным,
сном того, кто задремлет
подле танцовщицы этой.

This dream is oppressive

This dream is oppressive
and will not let me wake.
For a priestess sings
and holds me in her song.

I will be forced to take
red river gold woven as wire
and thread it in her hair.
From her neck twin serpents hang
(beaten in metal by the wise ones
long since dead), –
these twist around her breasts
and their green eyes flash
as the straight gums and forked tongues
take the little apple nipples.
God! The song summons.
In the singing is the rustle of sheathes
and the step of the scyther,
the refraction and reflections of light
on trunks of forest trees,
the moving sand at the dune's edge,
the rattle of brittle pods
bursting in sunlight,
and the shattering shudder of swords
thrust deep between bone.

What other death is demanded
that the snakes will twine
around my neck and bind?
I am in danger.
Christ, reach into my dream.
Save me from this sleep.

Я этим сном порабощен

Я этим сном порабощен,
и нету сил проснуться.
А жрица всё поет,
И песнь ее меня не отпускает.

Меня заставят взять
златую проволоку
и вплести ей в косы.
Две змейки с шеи у нее свисают
(почти живые,
из металла искусно выкованные), –
и извиваются вокруг ее груди,
и их зеленые глаза искрятся,
когда раздвоенные жала
ласкают крошечные яблочки сосков.
Боже! Эта песнь призывна.
В ней – ножен звон
и поступь осторожная косца,
еще в ней – отсветы и блики,
скользящие среди стволов лесных,
песок, что сыплется со склона дюны,
и треск скорлупок хрупких,
на солнце лопающихся,
и содрогание мечей,
глубоко меж костей вонзенных.

Какую смерть приуготовят мне
те змеи-близнецы?
А кольца всё тесней сжимают горло.
Мне грозит опасность.
Иисусе, сойди в мой сон.
Спаси меня от наважденья.

Last night

Last night
last night
last night I lay
last night I lay awake
last night I lay awake
for a long time last night I lay awake
for a long time I lay awake
for a long time thinking
thinking thinking
of all the women I have ever known
thinking with much much regret
of all the women I have ever known
with much regret of all the women
I have ever known.
But most of all
as I lay last night
thinking of all the women I have ever known
I regretted most of all
that woman
I did not chance to know.

Прошлой ночью

Прошлой ночью
прошлой ночью
прошлой ночью я лежал
прошлой ночью я лежал и не спал
прошлой ночью я лежал и не спал
долго-долго прошлой ночью я лежал и не спал
долго-долго лежал и не спал
долго-долго я размышлял
размышлял размышлял
обо всех женщинах которых я знал
размышлял с сожалением горьким-прегорьким
обо всех женщинах которых я знал
с сожалением горьким обо всех женщинах
которых я знал
Но горше всего
покуда я прошлой ночью лежал
размышляя обо всех женщинах которых я знал
горше всего сожалел я
о той
которую мне не узнать никогда

Dark Priestess

I fool myself
when I say I spend my life
in song to the Sun
for sometimes
in weaker or stronger moments
there is a nebulous craving
for the company
of a negress from the Sudan
whose throat and breast
is hung with silver moons,
who would in the dry land
show me secret pools,
initiate me in other mysteries
and encourage the forbidden.
Against her blue-black skin
I would feel another sun's glow.
Surely there would be greater certainty
hung between the balance of this now
and another knowledge?

Темная жрица

Я сам себя дурачу
когда говорю, что жизнь провожу
в песнопениях Солнцу,
ибо иногда,
в минуту слабости иль в миг прилива сил,
томленье смутное находит,
я тоскую
по негритянке из Судана.
Вся в ожерельях: шея, груди
серебряными лунами звенят.
Она мне в землях страждущих
укажет потаенные озера
и посвятит в мистерии иные,
и на запретнейшее вдохновит.
Прикосновение к её черной коже
меня огнем чужого солнца обожжет.
Тогда, не правда ли, уверенней я буду
болтаться меж сиюминутным знаньем
и мудростью иной?

The Priestess

The brain's inconvolutions clench.
The heart's dull pounding
in the closed rib cage
seems infinitely finite now.
Self locked in self.
But no.

It has happened that
a woman came and dared to touch
and loosed her gentle
liquid lappings of soul light.
World bruises were bathed.

What wisdom is learned through healing.
All child-women have the centuries
of mothers who weep and comfort,
of sisters who weep and comfort.
One instant of co-breathing
and the bones dissolve
absolve the flesh.
Such is the subtle wonder-weaving
of she who is wise-ancient.
And young.

Жрица

Стиснутость извилин мозга.
Скучное биенье сердца
в запертой клетке грудной.
Беспредельная ограниченность.
Самость, замкнутая в себе.
Но нет.

Случилось так:
явилась женщина, дерзнула
на волю свою нежность отпустить,
и мир, омытый прозрачным светом ее души,
вдруг перестал быть прежним.

И, исцелившись, мудрость смог познать.
У каждой женщины-ребенка сотни
матерей – рыдающих и находящих утешенье,
сестер – рыдающих и находящих утешенье.
Лишь на мгновенье два дыхания сливаются в одно,
и кости растворяются,
освобождая плоть.
Так, исподволь и нежно, сплетает чудеса она,
древнейшей мудрости полна.
И молода.

I dreamed a morning dream

I dreamed a morning dream.
A woman moved with ease
among the horses,
the herd nudged her with mist-warm muzzles.
(How many scarring kicks
before she had earned their love?)
I saw her mount
and ride with the sun's rising
through fields and forests.

Then I ceased singing
and came down from the sharp rocks
to the ease of the swamp
and saw in a puddle
the reflection of some paunched centaur
who had grown old and hairy-shouldered
with a thousand years of waiting
and endlessly tuning the lyre.

Мне снился сон под утро

Мне снился сон под утро.
Так грациозно женщина ступала
среди лошадей.
Они ее легонько мордами толкали; пар шел от них.
(Сколько шрамов она получит,
прежде чем заслужит их любовь?)
Я видел: она взлетела на коня
и поскакала вместе с солнцем восходящим
через поля, через леса.

Тогда я бросил петь,
спустился вниз с отвесных скал
к отдохновению болота
и в луже углядел
пузатого кентавра отраженье:
он постарел и волосней до плеч зарос
в тысячелетнем ожиданье,
в попытках бесконечных настроить лиру.

Who is She, This Woman

Who is she, this woman
who with a touch
can heal and draw the pain?
When the heart is clenched
and the brain threatens deconvolution
a finger on the boned brow
is enough for the letting in of light,
a soft palm pressure on the chest
and the sun glows warm
in the closed bone cage.
By what strange fate can eyes
become the madonna's cape
enfolding the infinite spaces of stars?
Surely some self-power
beyond life's demands
leads to death
in flame and pain
for the birth of such a gift.
All mysteries are held
in any selfless beauty.

Кто она, женщина эта?

Кто она, женщина эта,
что легким касаньем
боль унимает и лечит?
Когда сжимается сердце,
и извилины мозга распрямиться грозят,
достаточно ей пальцем лба коснуться,
чтобы позволить свету войти в тебя;
достаточно ладонь прижать к твоей груди, –
и теплое солнце сияет
в запертой клетке костяной.
Странно, как могут глаза вдруг
платом Богоматери стать –
звездные россыпи в складках?
Знаю, могучая сила –
больше, чем нужно для жизни –
сквозь огонь и мученья
и сквозь смерть
к рожденью этого дара ведет.
В ее чистейшей красоте –
все тайны мира.

** Перевод И. Канышевой*

Thoughts on a Cathar Stone

Who is it that sings in the forest at night?
Who sustains the growth of the oak and the spruce?
Who quickens with song
the sweet smelling saps of the pine?
Who sings so the seasons dance in their sequence?
Whose song acknowledges the placing of stars
and the turning of night into day?
Who stands beside the ancient grave cross
and sings the weaving ever living life?
Who is she who commands the serpent
to hold its venom so that sickened senses are cleared?
Who is she who has the power to heal with song
so sinews slacken and muscles and nerves untangle
and bones glow crystalline in the dark of the body
and the caught breath is loosened
and outbreathed with ease?

But the breath is caught and the nerves entwine
and the bones seem brittle and the instant lasts and is short;
Where is she now when my soul needs
to be bound to my life
(even by a whisper, the binding could be done).
I so long for the singer and the song
for the half remembered melody does not mesh
the fibres of flesh to the self.
I know to be bathed in the music of blessing
would cleanse me enough to be able to bless and be burned.

Раздумья у Катарского камня¹

Кто та, что ночью в лесу поет?
Кто елям и дубам силы дает расти?
Кто песней своей оживляет
сладкий запах сосновой смолы?
Чья песня ведет за собой хоровод времен года?
Чья песня знает, как звезде найти обитель
и как проходит превращенье ночи в день?
Кто у древней могилы стоит, рядом с крестом
и поет вечной жизни живое сплетенье?
Кто та, что змеям повелевает
не жалить, пожалеть, втянуть обратно яд?
Кто та, в чьей власти песней излечить:
слабеют жилы, мышцы расплетаются и нервы,
и кости – там, внутри, в телесной темноте, – кристаллами сверкают,
и наконец обретено
свободное и легкое дыханье?

Но прерывается вдох, и скручены нервы,
кажутся хрупкими кости, и мгновение длительно-кратко;
Где же она сейчас, когда надо душу мою
скрепить с моей жизнью?
(Достаточно ей шепнуть, чтобы они вновь слились.)
Я так стремлюсь услышать снова песню той певицы –
мелодии обрывок жалкий не сможет прикрепить
к душе моей волокна плоти.
Я ведаю: блаженством этой музыки омыт,
очищусь я настолько, что смогу благословить – и на костер взойти.

** Перевод И. Канышевой*

¹ Катары (от греч. *καθαρά* – чистый) – приверженцы одной из крупнейших средневековых ересей. Полагали, что земной мир, католическая церковь, светская власть созданы сатаной. Отвергали собственность, требовали ликвидации церковных богатств. Проповедовали одоление плотских желаний и страстей, безбрачие. Запрещали животную пищу и допускали самоубийство. «Катарский камень» – памятная стела у замка Монсегюр (Франция) на месте, где, по преданию, в 1244 г. сожгли заживо свыше двухсот еретиков, не захотевших отречься от своей веры.

Sun delight

The repeated stings took effect.
The venom caused my skin to slough.
My spine contracted, curved,
sprouted chitin interlocking plates
while myriad articulated legs
air flailed.
Then the gentle veiled one came,
sat and placed me on her lap.
Enclosed by her veil and hair
I warmed and grew.
The horn-shell cracked
and I, tiny and peach-pink plump,
gurgled with delight at the sun.

Радуюсь солнышку

Повторные укусы возымели действие.
От яда моя кожа стала облезать.
Позвоночник сковало, скрутило,
хитин срастался, смыкая пластинки,
а мириады членистых ножек
по воздуху молотили.
После явилась нежная, покровом окутанная,
села, взяла меня на колени.
Укрытый ее вуалью и волосами,
я согрелся и вырос.
Распались створки раковины,
и я – крошечный, розовый, пухлый –
загукал, радуясь солнышку.

What the hell and why?

What the hell and why?
Shattered light on forest floors
seems less arbitrary,
more formed
than meetings and partings.
But the flashing
 fracturing sprinkle
 of light and friendship
 lingers
 in memory.

Our own justification
is in collected ephemera.
Time's trivia is always treasure
held chest close.

Почему, какого черта?

Почему, какого черта?
Ведь даже светотень под сенью леса
не столь изменчива,
она имеет форму,
в отличие от встреч и расставаний.
Но эти, мерцающие,
вдрызг разбившиеся брызги
света и дружбы
всё медлят
в памяти.

В них наше самооправданье –
в бранных безделушках бытия.
Храним их свято
и держим ларчик на замке.

The inexorable waves curl

The inexorable waves curl
and crash
swish up the beach
with a wide sweep
and wash back.

We, the night walkers
pause.

A chaos of sand behind the foam
then the water passes
and the beach is smooth and ordered,
but I unknowingly in the pull
have sunk a little.

A hundred million transparent crabs
break the surface
and scurry in the instant
to grab at phosphorescent things
left dry.

While we, like gods,
stride among these stars.

Неумолимые волны клубятся

Неумолимые волны клубятся
и разбиваются вдребезги,
с шелестом хлещут пляж
в мощном круженье
и обратно струятся.

Мы, ночные гуляки
выжидаем.

Хаос песчинок преследует пену,
потом спадает вода,
и мирный пляж вновь в полном порядке, –
но я, навигатор-невежда,
лодку немножечко утопил.
Сто миллионов крабов прозрачных
разбивают морскую гладь,
спешат уцепиться
за фосфоресцирующие шукувины,
сухие пока.

Мы же, подобно богам,
шагаем средь этих звезд.

So what if the wind?

So what if the wind in the leaves hush-shsh?
The trees have verities beyond evanescent
transience.

Their trunks stand for something.
In their presence Time's tyranny
is fatuity
for friends are found in forests.

When waters hush-shsh against the shore
pulling and pushing the soul
and rationality allows itself to be washed,
then the High-Watchers
enable the unlikeliest to live
(not a little)
for a while.

Though we kid ourselves
we discard ephemera
such things are never lost.

Если ветер шепчет

Если ветер шепчет листве: «Тиш-ше», – что с того?
Есть у деревьев иные истины, помимо этой, мимолетной,
готовой вот-вот исчезнуть.

Стволы их выдержат и не такое.
В присутствии деревьев тирания Времени
не более чем глупость
для друзей, обретенных в лесах.

Когда волны шепчут берегу: «Тиш-ше», –
тянут-толкают душу,
и рассудок разрешает себе быть унесенным приливом,
тогда Высшие Наблюдатели
позволяют невероятнейшему оживать –
на время, да –
но это ведь немало.

А мы – всего лишь дети
и мелочами этими не дорожим.
Но никогда нам их не потерять.

An age surf tumbled

An age surf-tumbled
I was the corpse that rolled
in the sea's wash –
for an age surf-tumbled
up and down and up the beach,
rolled and rolled and rolled
by the foam's suck and push.
The waters thinned into the grit and flint
and left me bare and exposed
to the bull-necked swearing gulls.
Then a woman long ago known
and forgotten
wiped away crabs
and the foul pale things,
breathed on my eyeless lipless face,
carried me to a groin in the cliff –
to a shelter of salt-blanchèd water-logged trunks,
warmed by a fire
and in her arms
I revived, was restored.
And in the dawn saw more.

Годами швыряло меня прибоем

Годами швыряло меня прибоем,
я был трупом, перекатывавшимся
в волнах прибрежных.
Годы и годы швыряло меня,
вверх и вниз, и снова вверх, –
волны катали меня, толкали меня,
пеной лизали меня,
шлифовали о песчаник и кремни
и выбросили наконец, нагого и беззащитного,
на потеху красношеим простофилям.
А после женщина – я знал ее когда-то,
но позабыл,
смахнула крабов
и белесую мерзкую слизь,
дохнула в мое безглазое, безгубое лицо,
отнесла меня в хижину на утесе,
сложенную из выбеленных морем стволов,
 обогрела у огня,
 и в объятьях ее
я ожил, я был возрожден.
И на рассвете большее узрел.

A FRAGMENT

...which in Itself is not unimportant. The mountains behind the village are not overly high, but the rock faces are steep. So too are the cliffs on either side of the bay. The wind coming from the sea is thrown back by the range and the air is always in boiling turmoil between the cliffs. Epochs of storms have thrown up a bar between the cliffs giving a little protection, and a harbour. Hostile as the elements are, they may have protected the village through the ages from outsiders. And it has needed protection. To the north and south are a weird race who scar their bodies by picking out swirling patterns, who do not farm, herd or fish but are known to be man-flesh eaters. Of all the coastline this one community has withstood all their attacks. A people with nowhere to run must fight. Sea raiders that have found the channels by chance have become tangled in nets. Those who have come to the shore have found the prickliness of bronze fish tridents. Contrary to reports of all other communities, in this small society those with power are allocated the least fertile land saturated with salt and nearest the beach while the weakest farm the alluvium. In this manner the strongest meet the oncoming enemy first. Fishing is the privilege of the strong.

As your Lordship knows, once long ago, the one sent by our Founder visited them and cut a chapel into a chalk outcrop. After a long life of teaching, he died. When they were left without guidance the liturgy was forgotten although they maintained a service in their own tongue. And so they were left alone in their isolation, having in their great grandparents' time been won over to the faith they then experienced abandonment. For a while they taught their children an innocent half-remembered doctrine and placed in the shrine trophies of their daily lives and mementoes of the seasons.

Most was forgotten but they retained, as a folk memory, a nostalgia for the purity of the old days mingled with the

ОТРЫВОК

...что также является немаловажным. Хотя горы за деревней не особенно высоки, обрывистые склоны их весьма круты. Столь же круты и утесы, обнимающие залив. Морской ветер налетает на них, вихри гуляют между уступами скал. За годы и годы штормов намыли поперек залива отмель, создав относительно защищенную гавань. Суровы здесь стихии, но они столетиями защищают селение от чужаков. И без этой защиты не обойтись. К северу и к югу обитают дикие племена. Они украшают свои тела шрамами в виде странных завитков. Они не сеют хлеб, не разводят скот, не рыбачат, но питаются человечинной. По всему побережью лишь эта деревня устояла перед их набегами. Когда отступать некуда, поневоле приходится сражаться. Морские разбойники, даже если и найдут случайно проход сквозь рифы, запутаются в сетях. А если все же доберутся до берега, то испытают на себе остроту бронзовых рыболовных трезубцев. В этом селении, в отличие от прочих, сильнейшим и искуснейшим в битве достаются самые бедные, просоленные земли вблизи побережья, в то время как слабейшие возделывают плодородные участки в долине. Этот обычай позволяет сильнейшим первыми встретить врага. Рыбный промысел – привилегия сильных.

Как известно Вашей Светлости, в давние времена посланник нашего Основателя отправлен был к ним и вырубил в меловой скале часовню. Долгие годы он был им наставником, покуда не скончался. Оставшись без пастыря, вскоре позабыли они богослужебный канон, хотя и продолжали творить службы на своем наречии. Так оказались они в одиночестве и в изоляции. Завоеванные для Веры во времена прадедов, ныне извели они богооставленность. Хотя еще какое-то время преподавали своим детям полузабытое наивное ученье да приносили в храм скромные дары в честь смены времен года.

Почти все забылось, но в их преданиях жила тоска по старым добрым временам, и среди жестокой нищеты эти воспоминания приносили отраду. Часто юноши с чистым челом, проникшись мечтами предков, снаряжались для похода в горы или

brutality of necessity. Often smooth-browed young men, full of the dream of their grandsires, equipped themselves for the mountain journey or built skin-covered boats, aimed themselves and left promising to return with priests and teachers to renew the Faith. Whether they found their way south to the Holy City their families never knew. None ever returned. But still more young men left dedicated to the journey in each generation.

So strong had been the impression made by their teacher and his Faith that the populace looks back to him as «He who brought light to our sky». They are an honest good folk. My Lord, with much virtue, but one of their stories disturbs me.

One morning some of the old men woke with a certainty that one carrying their hopes had found the Holy City. They began their watching. For a month a storm had beaten their huts. No skiffs went out, even into the bay. There was no need. Schools of unknown fish were cast up on the gravel. Other strange omens troubled the people. A cow, about to be milked was struck by lightning which played between the horns. It did not fall and, as its flesh was fully cooked, it was eaten.

Then, with thunder overhead, a mast was seen amid the surf on the other side of the breakwater. A substantial wooden boat carved with pagan knots and runes with the devil's head prow was washed over the bar and blown to the shore. A few of the seamen had the strength to stumble out and to fall onto the stones. The people gathered with disquiet, looking down at their faces. All were covered with hideous heathen patterns of blue scars, the markings of their enemies. Inside the boat in leather bags were found chalices and ornaments akin to those treasured in their own shrine. On the finger of the band's leader they found a ring so like the one described in their stories that their anger rose at these savages who must have murdered priests. Centuries of frustration surfaced. Here were the ones who had killed their awaited teachers! Some of the seamen on waking had tried to speak. They had

строили лодку, обтягивали ее шкурами и отбывали, не забыв взять оружие и пообещав вернуться со священнослужителями и наставниками, дабы возродить Веру. Нашли ли они путь, что вел на юг, к Святому Граду? Старикам, тем, кто остался, узнать это было не дано. Никто из ушедших не вернулся назад. Но по мере того, как поколения сменяли друг друга, все больше и больше юношей посвящали свою жизнь Странствию.

Вера их учителя оставила по себе память столь яркую, что в преданиях его именовали не иначе как «Тот, кто осветил наше небо». Ваша Светлость, народ они честный и добродетельный, но одна из их легенд смущает меня.

Однажды один из стариков проснулся с уверенностью, что кто-то посланцев, на коих возлагались такие надежды, нашел Святой Град. И жители селения стали ждать. Целый месяц шторм трепал их хижины, ни одна лодка не могла выйти не то что в открытое море, но даже в пределы гавани. Да и нужды в этом не было. Целые косяки странных рыб выбрасывало море на гальку. Были и другие зловещие знамения. Корову, которую как раз собирались доить, ударило молнией аккурат промеж рогов. Она даже не упала, и, коль скоро говядина оказалась хорошо прожарена, корову эту съели.

Некоторое время спустя – раскаты грома еще перекатывались над селеньем – среди бурунов по ту сторону волнолома была замечена мачта. Большое деревянное судно, изукрашенное резьбой (все языческие завитки да руны, а на носу – голова самого дьявола), протащило штормом через отмель и выбросило на берег. У горстки мореплавателей едва достало сил, чтобы выбраться из корабля и рухнуть на камни. Обитатели деревни в смятении обступили чужаков, всматриваясь в их лица, покрытые отвратительными языческими узорами из синих шрамов – это были знаки, обличавшие в них врагов. На корабле в кожаных мешках найдены были потиры и иная церковная утварь, подобная той, что хранилась в храме. На пальце главаря чужаков обнаружилось кольцо, столь схожее с тем, о котором говорилось в преданиях, что гнев обуял жителей селения: должно быть, эти дикари убили священников! Столетия разочарований вскипели яростью. Перед ними были те, кто умертвил долгожданных учителей! Некоторые из пришлецов,

their tongues split. Great stacks of driftwood were gathered. The fires were lit. The men were too exhausted to struggle. Because of the rain their burning took a long time. Some were clubbed to death when the flames did not finish the job.

My Lord, I came upon this people by chance, being lost in the crags. I was kindly greeted and rekindled their Faith. I was shown their shrine. In it were the holy objects found in that boat and the blessed things from the person of those slain some seventeen years ago. I have taken great pains to transcribe the letter of authority sent by your predecessor and discovered sewn into the clothes of the one who wore the ring. He wrote:

*Greetings to Our Much Loved Brethren.
The one who reads this to you is to be
your spiritual leader. He will instruct
you in the faith and will in turn teach
some among you to read.*

Dear friends in God, you have not been forgotten. Much valued is the grace and beauty of your messengers who, have, after much privation, found their way to Our City. these young men have been treasured by Ourselves and those whom We have followed. We have been moved by their noble ardour to return to their homeland, but have impressed on them the need to stay, for We have not wished to part with them, and have commanded that they dictate what is known of the tribes that worry you. So with the fruit of lifetimes of study We now have enough wisdom to make an expedition to be in communion with you. Brave men among our fellows have allowed their faces to be disfigured for the sake of God, and at Our instruction a vessel has been constructed in the manner of those used the by seagoing pagans. In thus wise, it is Our hope that these bold missionaries disguised as your enemy will pass them by and find their way through dangers by stealth, to bring you hope...

очнувшись, пытались что-то сказать. Им вырвали языки. Сложили громадные костры из плавника. Разожгли огонь. Враги были слишком измучены, чтобы сопротивляться. Из-за дождя акт сожжения оказался долгим. Некоторых пришлось добивать, ибо пламя так и не окончило свою работу.

Ваша Светлость, я попал к этим людям случайно, заблудившись в горах. Меня встретили с радостью, и я вновь возжег их Веру. Меня привели в храм. Там были священные предметы с того корабля, а также реликвии, отнятые у чужаков, убитых почти семнадцать лет назад. Я взял на себя горький труд перевести рекомендательное письмо, посланное Вашим предшественником, и найденное зашитым в одежду того из них, что носил кольцо. В письме говорилось:

«Приветствую Наших Горячо Любимых Собратьев. Тот, кто прочтет вам это письмо, станет вашим духовным учителем. Он наставит вас в вере, а после обучит некоторых грамоте.

Дорогие братья по Вере, вы не были забыты. Велики добродетель и достоинства ваших посланников, кои, претерпев немалые лишения, достигли Нашего Града. Эти юноши были высоко оценены Нами и теми, за кем Мы следуем. Мы были тронуты тем благородным рвением, с коим стремились они вернуться на родину, однако убедили их в необходимости задержаться, ибо не хотелось Нам расставаться с ними. И поручили Мы им изложить подробно все, что известно о тех племенах, которые вам досаждают. Ныне, вооруженные полученными знаниями, Мы сочли разумным снарядить экспедицию, дабы наладить с вами связь. Отважные из числа наших братьев позволили изуродовать свои лица во славу Господа; по Нашим же наставлениям построено было судно, видом подобное тем, на коих ходят по морю язычники. Благодаря этой предосторожности надеемся Мы, что отважные миссионеры, приняв на себя отвратительную языческую личину, сумеют пробраться мимо ваших врагов неузнанными и, хитростью одолев опасность, принесут вам в дар надежду...»

** Перевод В. Геогджаева*

A FRAGMENT

My Lord, I was there and did see it all.

The King rode along the line singing. He paused at times and leaned over and cuffed the heads of the old pikemen and called them by their names, and said that they were to give heart to the young in the waiting time. Then he called his paladins. They came forward. He proclaimed their titles and they raised their visors and he kissed each on the lips. He reached out his arms and pulled two towards him and joked.

«Beloved Alveric, deep hacker, and you, the paladin with the forest on his helmet, old Leafy Bough, come ride with me. I like a battle such as this will be, one to decide the thing one way or the other. Come!»

They rode along the front ranks and I followed with Calvino until they came to here they found their place among hard men with shields loose in finger grip, with careless pennants and well-repaired mail and sharpened swords. Their talk was not of honour or glory, but mundane They spoke of wind, of a slight chalkiness in the escarpment, and called for water to wet the lips of their mounts. The King settled down to wait.

Soon the enemy came in sight. The paladins appraised the formations from the pennant displays. And the sergeant shouted at the young troops, putting them through useless manoeuvres as a distraction. The army seemed endless. And as confident as the King's.

The King said, «Hearth Companions, once more raise your helmets, let me gain strength from your faces.»

They laughed, but he quietened them.

«Where is the Lord Bishop? Ah, there. Dear cousin, come here. Best bless me and my son.»

ОТРЫВОК

Милорд, я был там и видел всё.

Король, напевая, гарцевал вдоль линии войска. Он помедлил и склонился в седле, и слегка дотронулся до шлемов старых копыеносцев, и назвал их по именам, и сказал, что они, когда придет время, должны будут сердечно принять молодую смену. Потом он призвал своих паладинов. Они выступили вперед. Он провозгласил их титулы, и они подняли забрала своих шлемов, и он расцеловал каждого в губы. Он протянул руки, и сгреб в охапку тех двоих, что стояли перед ним, и так шутил он:

«Возлюбленный Альверик, наносящий глубокие раны, и ты, паладин, у коего на шлеме – целый лес, старина Лиственный Сук, поезжайте верхом рядом со мной. Мне нравятся битвы вроде той, что сейчас разразится, такие битвы решают всё. Приблизьтесь же!»

Они скакали вдоль воинских шеренг, и я следовал за ними вместе с Кальвино, покауда они не заняли свое место среди мужей достойных – пальцы небрежно сжимают щиты, знамена беззаботно плещутся по ветру, доспехи подлатаны, мечи наточены. Речь между ними шла не о чести или славе, но о делах вполне мирских и суетных. Они говорили о ветре, о легкой пыли, вьющейся над эскарпом, они посылали за водой, чтоб смочить пересохшие губы своим боевым коням. Король приготовился к ожиданию.

Вскоре вдали показался противник. Паладины произвели оценку вражеских сил по количеству реющих над боевыми порядками стягов. И сержант закричал на молодых воинов, заставляя их совершить бесполезный отвлекающий маневр. Армия противника казалась бесконечной. И столь же уверенной в успехе, как и войско короля.

Король сказал: «Соратники, еще раз поднимите забрала, дайте мне вобрать в себя силу ваших лиц».

Они рассмеялись, но он их утихомирил.

«Где Лорд Епископ? А, там. Дорогой кузен, приблизьтесь. Благословите меня и моего сына, да получите».

He waved his hand to where a gay pennant fluttered, well behind his household lords, and a young man came forward, his armour newly gilded. He was too young for spurs or belt, but he rode with his head held high. The Bishop kicked his horse out of the ranks and hooked his mace onto his saddle and lifted his helmet. For the first time since waking the King was quiet.

«Dear cousin, pray that God grants us victory this day so this matter ends. The peoples have been too long troubled.»

He blessed himself, and folded his hands across his chest. The Prince looked as the Bishop raised his hand in blessing. The Prince drew his sword and held it by the blade. The King whispered his short confession, and the Bishop gave absolution and nodded to Alveric who spun his axe around and cut deep between the King's helmet and his neck.

The King fell. The Hearth Companions laughed. The Prince pulled down his face guard and took the sword by the hilt and turned to them. But he was ignored, and the ranks, breaking into a charge, parted around him.

The two armies met in the valley. There was a great clash as mail arms embraced opponents, and helmets were knocked off as old enemies kissed.

Alone on the hill, the Bishop swung his mace and turned to the Prince. The Prince was smiling. The Bishop laughed and let the mace drop.

Он махнул рукой туда, где, далеко позади его свиты, развевалось знамя, и юноша в свежевызолоченных доспехах выступил вперед. Был он слишком молод, чтобы носить шпоры и опоясываться мечом, но верхом восседал с высоко поднятой головой. Епископ пришпорил коня и выехал из строя, и приторочил свой жезл к седлу, и поднял забрало. Все это время король, против обыкновения, хранил молчание.

«Дорогой кузен, помолитесь, чтобы Господь послал нам в этот день победу, дабы все это наконец завершилось. Слишком долго народы жили в тревоге».

Он благословил сам себя и сложил руки на груди. Принц смотрел, как епископ поднимает руку для благословения. Принц вытянул меч и взял его за лезвие. Король прошептал краткие слова исповеди, и епископ даровал ему отпущение грехов, после чего кивнул Альверику, который раскрутил свою секиру и глубоко вонзил ее между королевской шеей и королевским шлемом.

Король упал. Соратники его расхохотались. Принц оттолкнул своего телохранителя и перехватил меч за рукоять, и обратился к ним лицом. Но вызов его не был принят, и бросившиеся в атаку войска обошли его с обеих сторон.

Две армии сошлись в долине. И было бряцанье великое, когда руки, закованные в доспехи, обнимали противника, и шлемы звякали, когда старые враги награждали друг друга поцелуями.

Стоя в одиночестве на холме, епископ помахал жезлом и оглянулся на принца. Принц улыбался. Епископ засмеялся и позволил жезлу выпасть из своих рук.

A FRAGMENT

Dear Professor,

Your confidence in this site has been rewarded. I took your advice and ignored Hamish and did not rework the detritus around the mound, but started to dig at the summit. The platform had been weathered, but after only a week we broke through to a chamber that must have commanded a view of the entire river valley. The previous theory was founded on the shared reports of the Harvard '82 expedition. But this chamber may, as you hoped, provide evidence to affirm your hypothesis that a usurper had ruled, and that the civilization collapsed suddenly. Whoever he was, he had all the egotism of an Ozymandias.

Your reputation is assured, and all the politics of those years to get this expedition mounted were worthwhile. Thank you for naming me as your associate. Hamish was annoyed by this and it has affected his judgement. All he wanted to do was make a slow survey of the site and leave it undisturbed. He has run home with tales to tell the Senate.

I will take your advice and be careful of what I drink, I am only sorry that you cannot be here with us, directly giving leadership. It must be hell being only fifty kilometers away in that primitive hospital in the heat. But here is something for you to ponder. The wall inscriptions indicate that the list of rulers was defaced by crude hacking and never repaired. It is as if something happened to suddenly end the society. I have enclosed photographs of three unfired clay tablets. Fortunately the photographs are very clear. The tablets crumbled before they could be sprayed. As you see, the language by

ОТРЫВОК

Дорогой профессор!

Ваша вера была вознаграждена: это то самое место. Я последовал Вашему совету, проигнорировал Хэмиша и не стал возиться с детритом¹ вокруг кургана, но начал копать на вершине. Платформа подверглась выветриванию, но спустя всего неделю мы наткнулись на камеру, из которой должен был открываться вид на всю речную долину. Предыдущая теория базировалась на совместных отчетах Гарвардской экспедиции 82-го года. Но эта камера, как Вы и надеялись, сможет обеспечить подтверждение вашей гипотезы, что правитель был узурпатором и что эта цивилизация перестала существовать внезапно. Кем бы он ни был, он обладал всем самомнением Озимандии².

Ваша репутация в очередной раз упрочилась, и вся политика, проводимая в прошлые годы с целью обеспечить возможность этой экспедиции, окупилась сторицей. Благодарю за то, что называли меня своим младшим коллегой. Хэмиш был этим раздражен, и это отразилось на его суждениях. Все, что он хотел сделать, – провести неторопливое обследование этого места и оставить всё в неприкосновенности. Он сбежал домой и теперь будет кормить Сенат своими баснями.

Я последую Вашему совету и буду осторожен с питьем. Сожалею лишь, что Вы не можете присутствовать здесь, среди нас, осуществляя прямое руководство. Какой, это, должно быть, ад: быть всего в пятидесяти километрах отсюда, в примитивном госпитале, да еще в такую жару. Но вот Вам тема для размышлений: надписи на стенах показывают, что список правителей был грубо стесан чем-то вроде кирки и более не восстанавливался. Как если бы случилось нечто, внезапно покончившее с общественной жизнью. У меня есть увеличенные фотографии трех уцелевших при пожаре глиняных табличек. К счастью, фотографии эти весьма четкие. Сами же таблички рас-

¹ Детрит – мертвое органическое вещество в экосистеме, временно исключенное из биологического круговорота элементов питания.

² Озимандия – см. одноименное стихотворение Перси Биши Шелли, написанное вскоре после того, как обломок статуи с именем этого очередного «царя царей» был найден в Египте в 1818 г.

comparison with existing examples is not in the style of the contemporary priesthood, and suggests a rough and vigorous versifying with forcible rhythm and colourful alliteration. The calligraphy shows that the cuneiform was rapidly taken down with abbreviations, possibly from speech, and not corrected. So we may have an insight into the direct spoken language. I have presumed to make a provisional translation. You may use what you wish of it, as we know the one published under your name will, of course, be authoritative and stylish.

Here, then, is the best I can do:

*Written by his scribe in the fifth year
of the reign of the Great King as he speaks.*

*«From the height of the ziggurat top,
O man who dares, look now around.
See North and South and East and West,
From harboured coasts to mountain peaks,
'From the World Sea to the ice sands,
All is mine, and all is Me.
Mine, the mound of skulls,
Mine, the ziggurat built with blood.
The fat of fallen fools cements this brick.
Mine the mind that binds and holds this All.
Frankincense to me is burned,
A thousand priests, my name they chant,
'Til my name is mingled with the Gods'.
Though base at birth, on me They breathed.
With cityless men on asses' backs
I swept the plains with sickle sword
To sprinkle blood on thirsty soil.
Bareheaded Kings before me bowed
Till I was King and King of Kings.
My loin seeds sprout a thousand sons.
Lions leap to do my will.*

сыпались в пыль, прежде чем мы смогли их законсервировать. Как видите, язык, в сравнении с дошедшими до нас образцами, выпадает из стилистики служителей культа той эпохи и предполагает грубую и энергичную версификацию с форсированным ритмом и красочными аллитерациями. Каллиграфия указывает на то, что клинописные знаки писались впопыхах, с неподобающим использованием сокращений, возможно, воспроизводивших конструкции живой речи и не всегда корректных. Так что перед нами сколок живого разговорного языка. Я дерзнул сделать предварительный перевод. Можете использовать его, как будет вам угодно, ибо мы оба знаем, что перевод, опубликованный под Вашим именем, несомненно, будет авторитетным и стилистически безупречным.

Итак, вот всё, что я смог сделать:

*«Записано его писцом в пятый год
правления Великого Короля с его слов.*

*“С вершины зиккурата,
О ты, дерзнувший, осмотрись вокруг.
Узри Восток и Север, Юг и Запад,
От гаваней морских до горных пиков
От Моря Мирового и до ледяных песков,
Мое всё это, и всё это – Я
Мои – курганы, сложенные из черепов,
И зиккурат – Мой, тот, что построен на крови;
Жир поверженных жизней скрепил его кирпичи.
Мой ум связует и удерживает Всё.
Жрецов немерено, все ладан воскуряют в мою честь,
все мое имя распевают, дабы спелось оно навеки
с именами Богов бессмертных.
Да, земнородный я, но Боговдохновенный.
С кочевниками, что не знают городов,
Опустошил равнины серповидным я мечом
И кровью жаждущую землю окропил.
Главы склоняли предо мной владыки,
Ведь я был Царь и Царь Царей.
От чресл моих родились тыщи сыновей.
Львы рвутся радостно исполнить мой приказ.*

*My sword is sheathed in fine fish skin.
My body bound in brass.
The skulls of enemies once loved
I use for drinking cup and chamber pot.
See distant silver from my mines,
Red gold from rivers flushed in fleece.
Behold the bristling spears of well-trained men
Myriad farmers work my fields
All this will last a thousand years.
Look on me now. None yet
Has been so free from fears.
At the point of my knife
I won the Mysteries!
I am become the God!
Supplanted kings, witless slaves!
Mix me my drink.
Quick. I thirst to take
The votive liquor as my right...»*

The third tablet, as you see, is only one quarter used. A stylus was found among the shards. I am sorry Professor, but the name of the King is not on the tablets and has been erased from the wall, and I cannot even surmise as to who he was. Undoubtedly you will identify him.

Please write as soon as the College confirms my position as your associate. We can both contradict Hamish's account and give the impression that you were always leading and on the site. I hope you enjoy this case of fresh figs, and will soon be well enough to try this native wine...

*И ножны моего меча – из дивной рыбьей кожи.
И тело мое в бронзовой броне.
И черепа врагов – любил их, бедолаг, когда-то –
я вместо чаш использую и вместо ваз ночных.
Взгляни на серебро из шахт моих глубоких,
На золото красное из быстрых рек моих.
Смотри, сверкают копьями мои войска
И пахари моих полей неисчислимы.
Все это будет длиться тыщу лет.
Теперь гляди сюда. Да, на меня!
Никто еще таким свободным не был, понял?
Да! Острием кинжала
Все таинства себе я завоюю!
Я Богом стану прямо щас!
Смещенные царьки, рабы безмозглые!
Питье, смешайте мне мое питье.
Скорее, мне не терпится вкусить
заветный эликсир, по праву мне...”»*

Третья табличка, как видите, заполнена лишь на четверть. Стилос был найден среди черепков. Простите, профессор, но имя данного царя на табличках отсутствует, и со стены оно тоже стерто, у меня нет никаких предположений, кем он мог быть. Несомненно, Вы сможете его идентифицировать.

Прошу, напишите сразу по подтверждению колледжем моего статуса как ассоциированного члена Вашей научной группы. Вдвоем мы сможем опровергнуть выкладки Хэмиша и создать впечатление, что Вы не покидали места раскопок, возглавляя их. Надеюсь, Вы воздадите должное этой корзинке со свежими смоквами и вскоре поправитесь настолько, что сможете попробовать местного вина...

A FRAGMENT

He sat on a square cut stone and waited. Around him the garden was fresh and cool and the colours were brighter than he remembered. It had been a long ride, he was tired and more than a little afraid. He had served as a page when she was a girl and had been sent away before his eighth birthday. The next twelve years were all prayer and military training, and now he was afraid. When she did come to him he was startled.

«My little Aldred! My dear little Aldred. Come to me. Why do you pull back? O, the little monk. You blush. Do I see you tremble? Will the pagans flinch when they see such a warrior? Dear Aldred, I won't touch you. Sit beside me, my dear, there.»

«My lady, please don't take my hand, I am in Orders.»

«My dear little Aldred, don't tease me so. You have not got your belt yet. Don't pretend to be one of the stern cold knights. Come, play catch.»

She skipped away and look from her scrip a gilded copper ball and threw it hard. Without thinking he caught it and so had to return it. She again threw it. He felt himself filling with joy. Once again he remembered his childhood. She leaned over and kissed him lightly on the lips. He almost didn't notice. And for the first time he was glad he had been sent with the message. There seemed no gap in his childhood.

«While my lord is away I have duties that are my own and not the seneschal's. And I must take your message. But first I will show you a treasure.»

He did not wish to leave the twilight of the garden. But he followed her through a door into a chamber hung with sheaths of drying plants which brushed against their heads. She called to a servant carrying a cauldron of wine

ОТРЫВОК

Он сидел на квадратном, грубо отесанном камне и ждал. Сад вокруг дышал свежестью и прохладой, и краски были даже ярче, чем ему помнилось. Путешествие было долгим, он устал и к тому же был не на шутку испуган. Он служил пажом, когда она была еще девочкой, и был удален от двора накануне своего восьмого дня рождения. Последующие двенадцать лет протекли в молитвах и в обучении военному искусству, и сейчас он робел. Когда она явилась, он был поражен.

«Малыш Элдред! Мой дорогой малыш Элдред! Иди ко мне. Ну что ты так напрягся? Ах ты, маленький монашек. Весь зарделся. Что я вижу, да тебя дрожь пробирает? Обратятся ли язычники в бегство при виде такого воителя? Дорогой Элдред, я тебя не трону. Сядь рядышком, милый, вот сюда».

«Моя госпожа, пожалуйста, оставьте мою руку, я при исполнении».

«Дорогой мой малыш Элдред, не дразни меня так. Тебя еще не посвятили в рыцари. Не притворяйся, что ты один из этих холодных мрачных паладинов. Давай, лови».

Она отпрыгнула, и запустила в него выхваченным из кошеля позолоченным медным шариком. Не думая, он поймал – и теперь уж пришлось бросить шарик обратно. Снова ее бросок. Он почувствовал, как все его существо наполняется радостью. Вновь вспомнилось детство. Она склонилась над ним и поцеловала в губы. Поцелуй был таким мимолетным, он почти его не почувствовал. И впервые порадовался, что его послали сюда с этим письмом. Детство словно никогда и не кончалось.

«Пока мой повелитель отсутствует, я должна выполнять свои обязанности и не передоверять их сенешалю. И я должна забрать послание, привезенное тобой. Но вначале покажу тебе сокровище».

Он не хотел покидать сумрак сада. Но последовал за ней, пройдя в покой, увитый полужасохшими растениями, чьи ли-

and took from her sash her goblet and dipped it in and pressed its warmth against Aldred's lips. He drank.

They followed the servant into a high-vaulted narrow room. The first moonlight was seen through the deep slits. Vaguely he saw homespun clothed figures stirring on piles of straw. There was a smell of sickness and decay. She took some dried leaves and crumpled them over a small flame and the fine blue smoke carried a gentle odour. How lovely her fingers looked!

One, then another, of the invalids started singing and a child got up and danced, her one arm enscribing the air. In spite of the fetid miasma and obvious pain, there was real joy in the song. But the air cut into Aidred's throat and he coughed.

She led him out and as he breathed deeply she started to dance in the moonlight. To Aldred, it was all a dream. Then a stifling horror that the song was not a troubadours romance, but was religious, was in the common tongue! And God was called «she»...

Twenty years had passed and once again Aldred saw in a primrose field a group of damsels dancing.

Aldred eased his cramps then turned on his horse and shouted at his troops. Their lines steadied; at his command swords were drawn and pointed. He incised the sign of the cross into the air, paused and charged and cut until there were no more dancers and the singing had finished.

стья в бессильной ласке гладили их по голове. По ее зову слуга принес котелок с подогретым вином. Она достала из-за кушака свой бокал и наполнила, и приложила его тепло к губам Элдреда. Он сделал глоток.

Вслед за слугой они вошли в узкую комнату с высокими сводами. Сквозь глубокие окна-бойницы пробивались первые лучи восходящей луны. Он смутно различал фигуры в домотканых одеждах, копошившиеся на соломе. Здесь стоял запах болезни и упадка. Она взяла какие-то сухие листья и подбросила в угасающее пламя, и голубой благовонный дымок был так нежен. Как восхитительно смотрелись ее пальчики!

Калеки, один за другим, запели, и маленькая девочка поднялась и танцевала, и её единственная рука чертила в воздухе какие-то знаки. Несмотря на зловонные миазмы и боль, пронизывавшую все вокруг, в песне этой была неподдельная радость. Но у Элдреда перехватило дыхание, и он закашлялся.

Она вывела его наружу, и пока он пытался отдышаться, стала танцевать в лунном свете. Элдреду все это казалось сном. Потом – удушливый ужас от того, что песня не была канцонной трубадура. Это был религиозный гимн, да еще на языке простонародья! И славил он не Бога, а Богиню...

Двадцать лет пролетело, и вновь увидел Элдред, как юные девы танцуют в полях среди первоцветов.

Элдред справился со спазмом, сдавившим горло, потом развернул коня и закричал, отдавая приказ своему отряду. Ряды сомкнулись; по его команде мечи были обнажены и направлены в цель. Он начертал в воздухе знак креста, и, чуть помедлив, бросился в атаку, и рубил до тех пор, покуда не осталось больше танцовщиц и песня не прекратилась.

A FRAGMENT

My Lord Chieftain of our peoples, greetings.

I am sure you will understand my lapse in etiquette in writing to you directly. I know that we priests have no right to communicate with Your Exaltedness in this way, but these are strange times. Be merciful to the one who carries and reads this message. Up 'til now he is innocent of its content.

My Lord, how proud we all were when you offered your daughter to God. When the twelve maidens and twelve pure youths were selected, your daughter shone, radiated goodness. She was worthy to merge with the Sun. My Chief, you of all people know of the importance of the festival. We witness at the spring equinox the Sun renewing His covenant to shine and light each day in the coming year. The dedication of the best fruits of our young ensures His faithfulness.

But my Lord, we live in strange times. The clarity of the liturgy has been slurred. Alas, the priesthood is corrupted. Now when we are faced with the new religion from the south, these customs assume even greater importance. Who knows how often preparatory incantations have been spoken by men who use the priesthood? Some, knowing the peoples' respect for our traditional vows of poverty, pass through the land unmolested in homespun while trading to enlarge their private store of fine clothing. They have access to the Order's accoutrements and gold ornaments. They are well fed on offerings and eat even when the land is afflicted. Such men could well neglect the procedures. Others, with good intent, sometimes forget spiritual details. Are the obsidian knives ritually cleaned? Are the altars bathed in the obligatory unctuous oils? Are the seeds in the bowls the best and the first corn from the fields? When the words and the actions are formed

ОТРЫВОК

Мой повелитель, предводитель народов наших, приветствую тебя.

Я уверен, ты поймешь это нарушение этикета, заключающееся в том, что я обращаюсь непосредственно к тебе. Я знаю, что у нас, священнослужителей, нет права общаться с Твоей Высокопоставленностью подобным образом, но пришли странные времена. Будь милосерден к тому, кто доставит и прочтет тебе это послание. До того момента он ничего не будет ведать о его содержании.

Мой властелин, как горды мы все были, когда ты предложил свою дочь Богу. Когда двенадцать юных дев и двенадцать чистых юношей были избраны, дочь твоя сияла, излучая добродетель. Она была достойна соединиться с Солнцем. Мой Вождь, из всех людей никто, как ты, не знает всю важность этого праздника. Мы свидетельствуем в день весеннего равноденствия, что Солнце снова соглашается сиять и освещать собою каждый день в новом году. Посвящение Ему цвета нашей молодежи является залогом Его верности обещанию.

Но, мой повелитель, мы живем в странные времена. Чистота священного обряда оказалась запятнана. Жречество, увы, продажно. Теперь, когда мы встретились с новой религией с юга, старинные обычаи стали даже еще важнее. Кто знает, как часто предварительные заклинания произносились теми, кто использовал свой сан в корыстных целях? Некоторые, зная об уважении, питаемом народом к нашим традиционным обетам бедности, безнаказанно странствовали по нашим землям в домотканых грубых одеждах, занимаясь при этом торговлей, дабы умножить свои запасы шегольского платья. У них есть доступ к припасам и снаряжению, к золотым украшениям – а ведь это всё собственность Бога. Они откормились на жертвоприношениях, они едят, даже когда земля наша изнемогает. Такие люди могут с легкостью пренебрегать священными обрядами. Другие, преисполненные самых благих намерений, иногда забыва-

and perfect, how much depends on the priest's goodness and intent?

When your daughter was selected, the Holy Women of the Woods checked her virginity. The examination was punctilious. She was taken through the forests to the Linden Trees of the West. However, in the three months of the winter's isolation she argued with the guardians and unsettled the other eleven maidens. At times she made sacrilegious jokes and mocked us and the beliefs of our parents. She was always headstrong. But such girls are the product of the Sun. Their very independence is loved by Him. Soon she mastered the sacred knots, and her weaving showed the inbreathing and exhalations of the earth. Without effort she gained the speech of the birds that instruct and carry the messages from the sky. She memorized the hymns, often, I confess, by creating profane versions. But she did learn them, showing pleasure at their ancient tunes. Her voice was clear and strong. In the final month she was admitted to the Mysteries, and exhibited a facility with the dance steps and a rare intuitive grasp of the subtleties of knowledge. I was beguiled by the wisdom of one so young and was consciously careful not to be led on by her to betray the Male Mysteries. I did not tell her more than was needed for her union with the Sun.

She seemed joyful on the final day. When we and the guardians left her and the youths in the Elm Circle for the Hour of Vigil she smiled at me sweetly.

We all saw. My Lord, how she greeted the morning light and clasped the hand of the leading youth and danced in the prescribed patterns up the Sacred Way to the Stones and the Oak. The whole forest joined in her dance, and the beasts and birds echoed her song. That dance was more than the form. It contained true joy. At her death she reached for the hand of the weeping

ют важные богослужебные детали. Прошли ли обсидиановые ножи ритуальное очищение? Омыты ли алтари елеем в обязательном порядке? А зерна в чашах – действительно ли самые первые и самые лучшие из собранных на полях? Когда слова и действия точны и совершенны, много ли зависит от добродетели жреца и его намерений?

Когда дочь твоя была избрана, Благочестивая Владычица Лесов проверила ее девственность. Это была очень тщательная проверка. Девушку отправили за дальние леса, в Липовую Рошу на Западе. Однако все три месяца зимнего уединения она спорила со стражниками и нарушала покой одиннадцати других невинных дев. По временам она позволяла себе кошунственные шутки и насмехалась над нами и верой наших отцов. Она всегда была своевольна. Но таковы уж девушки, рожденные Солнцем. Их независимость весьма Ему любезна. Вскоре она научилась вязать священные узлы, ее плетенье определенно было вдохновенным и вбирало земные токи. Без труда освоила она язык птиц, которые ей приносили небесные посланья. Она запоминала гимны наизусть, но, приходится признать, при этом часто сочиняла нечестивые варианты. Но заучивала и их тоже, и явно наслаждалась древними мелодиями. У нее был чистый сильный голос. В последний месяц она была посвящена в Мистерии и показала способности к танцам и редкое интуитивное понимание всех тонкостей знания. Я был в замешательстве при виде подобной мудрости у столь юного создания и старался быть весьма осторожен, дабы она не завела меня туда, где я предал бы Мужские Мистерии. Я рассказывал ей не больше, чем требовалось, чтобы ее союз с Солнцем был должным образом осуществлен.

В последний день она казалась веселой. Когда мы со стражниками оставили ее и других юнцов и юниц в Кругу Вязов для Часа Бдения, она мне даже мило улыбнулась.

Мы все видели, мой повелитель, как она приветствовала утренний свет, как пожимала руку предводителю юношей и танцевала, как велит обычай, на всем Священном Пути к Камням и Дубу. Весь лес танцевал вместе с ней, звери и птицы вторили ее песне. И танец этот был чем-то большим,

youth on the other altar to give him courage. We all commented that her life was indeed culminating in fulfilment.

But was it fulfilment of union with the God? I hate to suggest, My Lord, that your daughter may have misused the waiting time with the men.

But the Sun has not risen at all these last few months.

In darkness and chaos these thoughts drift.

чем обычный ритуал. В нем была подлинная радость. В самый момент своей смерти она сумела дотянуться до руки юноши, рыдавшего на другом алтаре, чтобы вселить в него мужество. Мы все согласились, что, несомненно, жизнь ее достигла завершения в высшей точке.

Но было ли той высшей точкой соединение с Божеством? Мне невыносимо само предположение, мой повелитель, что дочь твоя могла злоупотребить временем ожидания с мужчиной.

Но вот уже несколько месяцев, как Солнце не восходит. Во тьме и хаосе блуждают эти думы.

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Виноградова. «И нету сил проснуться...»</i>	5
Let me lie along the length	8
Дай мне лечь, протянуться	9
In the sparkling hush of music	10
В мерцающей глуши музыки (<i>пер. И. Кириштин</i>)	11
Lucifer	12
Люцифер	13
Double Vision	14
Двойное виденье (<i>пер. В. Геогджаева</i>)	15
The Horrid Stranger	16
Жуткий чужак (<i>пер. И. Кириштин</i>)	17
In bed with a Fever	18
В постели с Лихорадкой	19
Last night I dreamt I knelt	20
Мне снилось, я колени преклонил (<i>пер. В. Геогджаева и Т. Виноградовой</i>)	21
High above the rock upthrust	22
Над горной грядой (<i>пер. И. Репиной</i>)	23
The Shadow Knows	24
Тень знает (<i>пер. И. Репиной</i>)	25
The Goddess	26
Богиня (<i>пер. Е. Горишуновой и Т. Виноградовой</i>)	27
When the acid bites the plate	28
Когда кислота разъедает пластину	29
In the cavern of my dream	30
В пещере снов моих	31
I dreamed of a dancer	32
Я грезил о танцовщице	33
This dream is oppressive	34
Я этим сном поработен	35
Last night	36
Прошлой ночью	37

Dark Priestess.....	38
Темная жрица	39
The Priestess	40
Жрица.....	41
I dreamed a morning dream	42
Мне снился сон под утро.....	43
Who is She, This Woman?	44
Кто она, женщина эта? (<i>пер. И. Канышевой</i>)	45
Thoughts on a Cathar Stone.....	46
Раздумья у Катарского камня (<i>пер. И. Канышевой</i>).....	47
Sun delight	48
Радуюсь солнышку.....	49
What the hell and why?.....	50
Почему, какого черта?.....	51
The inexorable waves curl	52
Неумолимые волны клубятся.....	53
So what if the wind	54
Если ветер шепчет	55
An age surf tumbled.....	56
Годами швыряло меня прибоем.....	57
A Fragment («...which in itself is not unimportant...»).....	58
Отрывок («...что также является немаловажным...») (<i>пер. В. Геогджаева</i>)	59
A Fragment («My Lord, I was there and did see it all...»).....	64
Отрывок («Милорд, я был там и видел всё...»).....	65
A Fragment («Dear Professor...»).....	68
Отрывок («Дорогой профессор...»).....	69
A Fragment («He sat on a square cut stone and waited...»).....	74
Отрывок («Он сидел на квадратном, грубо отесанном камне и ждал...»).....	75
A Fragment («My Lord Chieftain of our peoples, greetings...»).....	78
Отрывок («Мой повелитель, предводитель народов наших, приветствую тебя...»).....	79

Дэвид Вонсбро
В пещере снов моих... *Сны Восторги Страхи Отрывки*

БИЛИНГВА

Перевод с английского

*Татьяны Виноградовой, Владимира Геогджаева, Елены Гориуновой,
Ирины Канышевой, Ингрид Кириштин, Ирины Репиной*

Редакторы – *Татьяна Виноградова, Наталья Кольцова*

Художественный редактор – *Андрей Глазов*

Корректор – *Татьяна Смирнова*

Компьютерная верстка, макет – *Марина Кива*

Бумага офсетная

Гарнитура Times

Тираж 200 экз.

Сдано в набор 04.03.2012

Подписано в печать 20.03.2012

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.